

ОН — КАПИТАН ИМПЕРИИ.
ОНА — ДЕВУШКА С ЗЕМЛИ.

ИХ ПРИТЯЖЕНИЕ
МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ
ВСЁ.

ПОПАДАНКА ДЛЯ ЗВЁЗДНОГО КАПИТАНА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ЭРОТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

18+

АЛЁНА ОРИОН

Алена Орион

**Попаданка для
звёздного капитана**

«Автор»

2026

Орион А.

Попаданка для звёздного капитана / А. Орион — «Автор», 2026

Стиральная машина бывшего отправила Алису не в сервисный центр а в другую галактику. Теперь она — единственный земной инженер на борту инопланетного корабля. Её появление может оказаться случайностью. Или ключом к заговору, который способен уничтожить целые звёздные системы. А рядом — капитан Лайан, холодный, опасный и слишком внимательный к странной девушке из Щёлково. Иногда один случайный шаг меняет не только судьбу но и всю Вселенную. Лёгкая космическая история с романтикой, юмором и эротическим напряжением. #

© Орион А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Пункт назначения — неизвестно	5
Глава 2. Контракт с побочным эффектом	12
Глава 3. Дипломатия высокого напряжения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алена Орион

Попаданка для звёздного капитана

Глава 1: Пункт назначения — неизвестно

Всё началось с того, что мой бывший, Костик, решил стать гениальным изобретателем. До этого он был просто гениальным бездельником с редким талантом прокрастинации, но после нашего расставания, видимо, решил доказать мне, что я потеряла мужчину с большим будущим. Будущее оказалось настолько большим, что теперь я, кажется, нахожусь в другой галактике.

Я, Алиса Петрова, инженер-испытатель на заводе бытовой техники в подмосковном Щёлково. Моя повседневность — это бесконечные краш-тесты: я проверяю на прочность новые модели стиральных машин, мучаю пылесосы и заставляю чудо-печки работать на износ. Скучно? Ещё как. Иногда мне кажется, что я знаю о звуке подшипника «Индезита» больше, чем о собственной личной жизни. В свободное время я сбегала из реальности в миры «Старт-река» и зачитывалась космооперами, мечтая о звёздах. Но в реальности мне максимум светила Турция «всё включено» в бюджетном отеле с видом на стройку.

И тут объявился Костик. После полугода гробовой тишины он позвонил и таким таинственным шепотом, будто продает чертежи атомной бомбы, сообщил, что создал нечто невероятное. «Только тебе, Алиса, как единственному человеку, который понимает в технике». Я, дура, повелась. То ли любопытство пересилило здравый смысл, то ли просто хотелось посмотреть, во что выродился мой «гений».

Встретились мы в его гараже в кооперативе «Заря». Костик гордо именовал это бетонное помещение «лабораторией», хотя пахло там исключительно подвальной сыростью, старыми покрышками и дешевым энергетиком.

— Знакомься, — Костик сдернул пыльный брезент, явив миру нечто, напоминающее помесь душевой кабины и старого холодильника «Зил». Сверху криво торчала антенна, а по бокам висели жгуты проводов, перемотанные синей изолентой. Но самое дикое было внутри. В основание этого шедевра инженерной мысли Костик намертво вмонтировал новенькую стиралку «Занусси». Барабан был вырезан, а вместо него в недрах машины сияло нагромождение плат и мигающих диодов.

— Генератор пространственно-временного поля! Испытательный образец ГПВ-1.

— Ты что, хочешь меня в этом запечь? — я скептически оглядела агрегат, от которого ощутимо веяло палёной проводкой и разбитыми надеждами. — Кость, это выглядит как ловушка для самоубийц. Почему из корпуса торчит шланг от пылесоса, а в основании... это что, моя «Занусси»? Которую ты обещал починить ещё в прошлом году?!

— Это не просто «Занусси»! — Костик драматично закатил глаза, поправляя очки, запотевшие от гаражной сырости. — Двигатель с прямым приводом — идеальный стабилизатор для резонансного поля. Я использовал её корпус как статор. Смотри, я даже кристалл-балансир внутрь засунул, чтобы при отжиге... то есть при проколе пространства, конструкцию не разнесло.

— И я хочу тебя не запечь, а переместить! — восторженно продолжал он, пока я в ужасе разглядывала это инженерное святотатство. — Я разработал теорию резонансного поля. Если попасть в нужную частоту, можно проколоть пространство. Но для финального теста нужен живой объект с техническим складом ума, чтобы зафиксировать показания. Я бы сам залез, но... — он поморщился и страдальчески схватился за поясницу, — у меня спина. Остеохондроз разыгрался, сама понимаешь.

— А у меня, значит, хребет титановый? — я возмутилась, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. — Это опасно, Костя. Тут даже заземления нормального нет! — я ткнула пальцем в оголенный провод, прикрученный к батарее отопления. — У тебя фаза на корпусе искрит, а ты предлагаешь мне залезть внутрь?

— Не опаснее, чем твои краш-тесты на заводе, — он обиженно надул губы, становясь похожим на капризного ребенка. — Я всё просчитал. Максимум — переместишься на пару метров, к соседнему боксу Иваныча. Ну, может, легкое головокружение. Алиса, если я докажу теорию, мы же из этого Щёлкова вырвемся! Ты только представь: мгновенная доставка по всей стране, и никакой логистики! Ты же сама говорила, что задыхаешься здесь между сервисом и Ярославкой.

Он попал в больное место. Эта скука в Щёлково ощущалась как медленное погружение в болото. Мне отчаянно хотелось, чтобы хоть раз в жизни произошло что-то, выходящее за рамки инструкции по эксплуатации. К тому же, инженерный азарт — штука коварная.

— Ладно, — я вздохнула, поправила хвост и решительно шагнула в тесную, пахнущую озоном и стиральным порошком кабину. — Но если я превращусь в муху или у меня вырастет вторая голова — я тебя из-под земли достану.

— Всё будет штатно! — крикнул Костик и суетливо захлопнул дверцу, оставив меня в полумраке.

Снаружи что-то дико завывало, словно сотня пылесосов одновременно решили покончить с собой. По обшивке пошла такая вибрация, что заныли не только зубы, но и кости. Корпус затрясло, как при самом яростном отжиме на две тысячи оборотов.

— Костя, выключай! Она сейчас развалится! — заорала я, пытаюсь нащупать ручку двери, но её просто не было.

В этот момент пространство внутри кабины свернулось в тугой, раскаленный узел. «Занусси» под моими ногами издала предсмертный хрип, меня ударило резким разрядом тока, и вся кабина совершила безумный кувырок. Я не удержалась и с размаху приложилась виском о выступающий край антенны, которую Костик так непредусмотрительно завел внутрь.

В глазах вспыхнули сверхновые, мир перевернулся еще раз, и сознание милосердно покинуло меня под оглушительный треск синей изоляции и звук лопающегося пространства.

...Очнулась я от навязчивого ощущения, что по моему плечу хлопают чем-то холодным и резиновым. Голова раскалывалась, а на месте удара явно наливалась внушительная, пульсирующая шишка. Стоило мне пошевелиться, как в затылке отозвалось тошнотворной волной.

Над ухом раздавалось ритмичное клокотание на совершенно незнакомом языке, но — вот парадокс! — в голове эти звуки мгновенно превращались в осмысленные фразы.

— Очнись, биоформа. Ты жива? Анализаторы показывают избыток адреналина и... остатки кофеина в крови.

Я с трудом разомкнула веки и тут же пожалела об этом. Над моим лицом склонилось нечто... синее. Огромное, с четырьмя глазами, расположенными в ряд, и двумя носами, которые синхронно подергивались. Я замерла, надеясь, что это галлюцинация от удара током, но «галлюцинация» моргнула всеми четырьмя веками сразу.

Я завизжала. Громко, по-подмосковски, вкладывая в этот крик всё возмущение качеством сборки костикового аппарата.

Синее лицо испуганно отпрянуло. Раздался топот множества ног — или чего-то на них похожего. Ко мне подскочило еще трое таких же существ. Все они были облачены в облегающие серые комбинезоны с какими-то светящимися датчиками на груди.

— Где я? — спросила я на автомате. Голос дрожал, но к моему ужасу, изо рта вырвалось не только русское «где я», но и странный щелкающий звук, дублирующий вопрос.

— Вы на борту тяжелого крейсера «Аврора», — ответил самый высокий из синих. У него было четыре руки, и сейчас он активно ими жестикулировал, проверяя показания на парящей в воздухе голограмме. Он на секунду замер, глядя на прибор, который издал короткий, вопросительный писк. Синий перевел взгляд на меня, на его лице (если это можно было назвать лицом) отразилось странное колебание, но он тут же продолжил: — Мы обнаружили вашу примитивную капсулу в зоне гиперпространственного разлома. Вы не значитесь в базе данных граждан Империи Таргон. Ваша сигнатура уникальна. Кто вы и каким образом совершили прыжок без навигационного маяка?

Я села, потирая затылок, на котором уже наливалась внушительная шишка. Осмотрелась. Это была не каюта — скорее медицинский отсек. Стены из матового металла, бесшовные углы, пульсирующие мягким светом панели. Я замерла, боясь сделать вдох. В голове еще билась безумная надежда, что я сейчас моргну, и стены медотсека превратятся в обшарпанный бетон гаража, а пульсирующий свет — в мигание старой люминесцентной лампы Ивана. Но матовый металл не исчезал.

Я на ватных ногах подошла к огромному иллюминатору... и мир внутри меня просто рухнул. Там не было привычного голубого купола, затянутого вечными подмосковными тучами. Там расстилалась бездна, в которой черный цвет был не просто отсутствием света, а осязаемой, тяжелой плотностью. На этом угольном фоне пульсировало бесконечное полотно из фиолетовых туманностей, прошитое миллиардами ярких, немигающих точек. Настоящие звезды. Они не мерцали, как сквозь толщу земного воздуха, а светили ровно и безжалостно. Я прижала

ладонь к прозрачному композиту. Холод металла под пальцами был реальным, а вот то, что за ним... Прямо под нами, медленно поворачиваясь, плыл исполинский бок какой-то планеты, окутанный ядовито-зелеными облаками. Никаких самолетов, никаких птиц, никакой привычной линии горизонта. Только пугающая, стерильная пустота.

— Я Алиса. С Земли, — едва слышно выдохнула я, чувствуя, как пол уходит из-под ног, а реальность превращается в тонкий лед, который вот-вот треснет. — Планета Земля, Солнечная система... сектор Млечный Путь.

Синие существа замерли. Их многочисленные глаза начали быстро вращаться — видимо, так они выражали крайнее замешательство.

— Млечный Путь? — четырехрукий быстро застучал по голограмме. — Это сектор 9-ХЗ? Глубокая периферия. Согласно нашим картам, там необитаемая зона, населенная дикими племенами, едва освоившими энергию распада атома. Послушайте, биоформа, ваш лингво-интегратор... где он?

— Мой что? — я непонимающе захлопала глазами, пытаюсь переварить услышанное. Голова гудела, и слово «интегратор» сейчас воспринималось как название какой-то запчасти для холодильника.

— Ваш модуль перевода, — он подошел ближе, сканируя мою шею и за ушами тонким лучом. — У вас идеальный имперский диалект. Нулевой акцент. Физиологически вы не можете

издавать эти звуки без вживленного чипа. Но я его не вижу. У вас нет ни одного импланта в речевом центре.

Я замерла, косясь на его манипуляторы.

— Какой чип? Какие звуки? Я на русском говорю... кажется... — И тут до меня, наконец, в полной мере дошел смысл его первой фразы. — Стоп. Какие еще «дикие племена»?!

Я мгновенно забыла о страхе и каких-то там интеграторах. Обида за родную планету, копившаяся всю жизнь на очереди в МФЦ, вдруг выплеснулась на этого высокотехнологичного синего гуманоида.

— У нас, между прочим, интернет есть! И квантовые компьютеры! И настоящий зерновой кофе с густой пенкой! И... и стиральные машины с прямым приводом! Мы атомы расщепляем, когда нам скучно!

Синие переглянулись. Мой пассаж про кофе явно не вписался в их научную картину мира. Один из них коснулся пальцем своего виска — там тускло блеснул вживленный металлический диск.

— Похоже, у неё поврежден речевой центр или она использует зашифрованный сленг, — пробормотал он, снова с подозрением поглядывая на пульсирующий датчик языка на своей голограмме. — В любом случае, капитан ждет доклад. Идемте, биоформа Алиса.

Меня повели по коридорам, и масштаб «Авроры» подавлял. Стены вибрировали от едва слышного гула мощных двигателей, мимо пролетали автоматические дроны, похожие на механических медуз. Я чувствовала себя героиней фильма, у которого внезапно вырос бюджет: декорации были слишком реальными, чтобы быть правдой. В затылке всё еще странно покалывало — легкое, едва заметное тепло, словно там, внутри, медленно проворачивалась невидимая шестеренка, подгоняя мой мозг под стандарты этой безумной империи.

Наконец, автоматические двери с шипением разошлись, и мы оказались на мостике. Огромный зал, залитый синеватым светом, сотни экранов, и в самом центре, в кресле, больше напоминающем трон из темного полимера, сидел он.

Моё сердце, до этого честно пытавшееся выскочить через ребра, вдруг пропустило удар. Капитан не был синим. Он не был многоруким или многоглазым. Он выглядел как человек, но в какой-то «улучшенной», подарочной версии. Высокий, с идеальной осанкой, тёмные волосы коротко стрижены, а черты лица — резкие, точёные, словно их вырезали из холодного камня. Но главное — глаза. Пронзительно-серебристые, как расплавленный металл. На нем была черная форма, идеально сидящая в плечах, и тяжелые сапоги.

— Приветствую вас, — его голос, низкий и вибрирующий, казалось, прошел сквозь меня, оставив за собой стайку мурашек. — Я капитан Лайан. Вы — неопознанный объект, нарушивший границы Галактической Империи Таргон. В нынешние беспокойные времена это приравнивается к шпионажу. Что скажете в своё оправдание?

Он смотрел на меня так, будто видел насквозь — до самого того момента, когда я в третьем классе прогуляла музыку. Его взгляд на мгновение замер, став странно расфокусированным, словно он прислушивался к чему-то невидимому прямо у меня над ухом. Я кожей почувствовала странную волну, прошедшую сквозь грудную клетку, — мимолетное, щекочущее ощущение, от которого захотелось поежиться. Я судорожно сглотнула. Но прежде чем я успела открыть рот, тишину мостика разорвал звук, который невозможно было игнорировать. Мой желудок, доведенный до отчаяния пространственным прыжком, издал такой раскатистый и требовательный рык, что пара офицеров у пультов синхронно вздрогнула. Это не было скромное урчание — это был звук работающей бетономешалки.

Я почувствовала, как щеки обдаёт жаром. Черт. Сначала я вываливаюсь из стиралки, а теперь мой кишечник пытается выйти на связь с Империей.

— Э-э-э... Я не шпионка. Честно. Я жертва отечественного производителя. Меня бывший бойфренд подставил под испытания своего гаражного коллайдера.

Лайан медленно приподнял одну бровь. Ирония в его взгляде была такой острой, что об неё можно было порезаться. Но странное напряжение в его позе вдруг исчезло, сменившись чем-то похожим на озадаченное любопытство.

— «Boy-friend»? — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Это какая-то новая модель биологического оружия? Или подпольная террористическая организация?

Я не выдержала и коротко прыснула. В этом стерильном космическом пафосе его вопрос прозвучал слишком комично.

— Почти. Это стихийное бедствие, — я чуть смелее шагнула вперед, разглядывая капитана. — Коротко говоря: я здесь по ошибке. И если вы не собираетесь меня немедленно расстреливать за отсутствие визы, то, может, для начала покормите? Раз уж мой желудок официально объявил вам войну. В Щёлково сейчас время обеда, а у меня внутри такой вакуум, что я скоро начну всасывать ваши приборы. Обещаю: на сытый желудок я буду гораздо менее подозрительной.

Капитан Лайан на мгновение замер, снова этот изучающий, «сканирующий» взгляд, от которого потеплело в затылке, а затем его губы дрогнули в едва заметной, но чертовски обаятельной усмешке.

— Смелость или глупость... — негромко произнес он, обращаясь скорее к самому себе. — Хорошо. Идите со стражем в гостевой сектор. Там вас накормят. Но потом вы расскажете мне всё. Без упоминания «бойфрендов». У Империи сейчас серьезные проблемы, и ваше появление в зоне разлома подозрительно совпадает с некоторыми... событиями. Возможно, вы сможете быть полезны. Или станете ключом к разгадке.

— Я? — я искренне удивилась, глядя на свои руки, всё еще черные от гари и липкой термопасты, которой Костик щедро залил контакты своей чудо-машины. — Чем инженер по стиралкам может помочь в разгар межгалактического заговора?

— Увидите, — загадочно ответил он и кивнул стражу. В его глазах промелькнуло что-то еще — удовлетворение человека, который только что проверил теорему и получил правильный ответ.

Пока я шла вслед за четырехруким в сторону столовой, в голове крутилась одна мысль: «Алиса, ты попала». Причем попала в самом буквальном смысле. Но, глядя на проплывающие за бортом чужие миры, я поймала себя на том, что улыбаюсь. Жизнь определенно перестала быть скучной. Главное теперь — не влюбиться в серебристые глаза и не взорвать этот корабль, пытаясь его «улучшить».

Глава 2. Контракт с побочным эффектом

Столовая на «Авроре» оказалась местом на удивление уютным, хотя и чертовски непривычным для земного инженера. Вместо пластиковых стульев и кафеля — обтекаемые ниши с низкими столиками и креслами из материала, напоминающего плотное, теплое желе. Когда я в него опустилась, оно нежно обволокло бедра, принимая форму тела. «Эргономика 80-го уровня», — отметила я про себя, чувствуя, как наконец-то расслабляется затекшая после костиков аппарата спина.

Синие, как я их поначалу окрестила, официально именовались таргонцами. Вблизи они напоминали ожившие статуи из сапфира: их кожа была покрыта едва заметным чешуйчатым узором, который переливался под лампами. Мой провожатый, Зург, оказался существом на редкость суетливым. Две его верхние руки были заняты подносом, а нижние в это время что-то лихорадочно набирали на наручном терминале.

— Пожалуйста, биоформа Алиса, подкрепите свои углеродные цепочки, — Зург поставил передо мной глубокую чашу.

— Что это? — я с опаской заглянула внутрь. На дне лежало нечто ярко-лазурное, по консистенции напоминающее подтаявший холодец, и — клянусь своими дипломами! — оно едва заметно вибрировало.

— Питательный мусс из глубоководных протеиновых водорослей сектора Орион, — с гордостью пояснил Зург, сложив все четыре ладони на груди. — Стимулирует нейронные связи и восстанавливает солевой баланс после межпространственного шока. Очень полезно для мозга.

— Надеюсь, мой мозг после этого не начнет светиться в темноте, — пробормотала я. Желудок, однако, издал снова такой требовательный рык, что дегустация стала неизбежной.

Я зачерпнула субстанцию и решительно отправила в рот. Глаза непроизвольно расширились. Это было странно, но потрясающе: вкус спелого авокадо плавно переходил в сладость сахарной ваты с легким послевкусием морского бриза. Через минуту я уже вовсю работала ложкой, а Зург наблюдал за мной всеми четырьмя глазами, в которых читалось нескрываемое любопытство.

— Вы поглощаете нутриенты с завидной эффективностью, — похвалил он. — Почти как наши десантники.

— В Щёлково выживают только те, кто умеет обедать за пять минут, пока мастер не ушел на перекур, — я вытерла губы салфеткой, которая тут же испарилась прямо в моих пальцах. — Послушай, а что у вас тут вообще происходит? Капитан упомянул проблемы. Это из-за моего эффектного появления или я просто удачно зашла?

Зург внезапно замер. Его чешуйки на шее из синих стали сероватыми — видимо, местный аналог бледности. Он воровато оглянулся на других таргонцев и наклонился ко мне так близко, что я почувствовала легкий запах озона.

— Тсс, Алиса. Здесь стены имеют сенсоры, а полы — память. Капитан Лайан сам решит, сколько вам знать. Но скажу одно: в Империи пахнет большой грозой. Кто-то очень могущественный охотится за технологиями, способными гасить звезды. И мы подозреваем, что предатель ходит по этим самым палубам.

— Ого, классика производственного шпионажа, — я почувствовала, как внутри просыпается азарт. В детективах я всегда первой угадывала убийцу. — И капитан всерьез думает, что я — часть этого пазла?

— Вы выпали из разлома там, где это физически невозможно, — прошептал Зург. — Для науки это чудо. А для капитана — либо улика, либо ключ.

Договорить он не успел. Двери столовой разъехались, и в зал вошел Лайан. В мягком освещении пищевого блока он казался не таким грозным, как на мостике, но аура власти окутывала его, как невидимый плащ. Легкая небритость на волевом подбородке и закатанные рукава формы придавали ему вид человека, который только что вернулся из эпицентра катастрофы и готов отправиться в следующий.

— Надеюсь, ваша биологическая система не вступила в конфликт с нашими пищевыми концентратами? — Лайан сел напротив меня. Зург, пробормотав что-то о «срочной калибровке дефлекторов», испарился в мгновение ока.

— Скажем так: мой желудок принял их условия капитуляции, — я откинулась на спинку «живого» кресла, которое тут же услужливо прогнулось под моими лопатками. — Итак, капитан, перейдем к делу. Ваш завхоз-четырёхручка уже нагнал туману про заговоры и погасшие звезды.

Лайан на мгновение прикрыл глаза, словно борясь с желанием отправить Зурга в карцер за болтливость.

— Зург драматизирует, но суть верна. Месяц назад из сверхсекретной лаборатории Империи был похищен генератор нуль-пространства. Это не просто двигатель, это инструмент, способный сворачивать материю в точку. Если его активировать неправильно — или, наоборот, слишком правильно — целые системы могут превратиться в космическую пыль.

— И вы ищете вора, — я подалась вперед. — Но при чем тут я и мой горе-изобретатель Костик?

— Следы похитителей обрываются в секторе 9-ХЗ. А вчера именно там открылся кратковременный разлом, из которого вылетела ваша... — он запнулся, — «стиральная машина». Приборы «Авроры» зафиксировали энергетический след, идентичный частоте похищенного генератора.

Я замерла, пытаясь осознать масштаб катастрофы.

— Погодите, капитан. Вы хотите сказать, что мой бывший, который впаивал контакты синей изоляцией и регулярно брал у меня в долг на пиво, каким-то образом изобрел оружие массового поражения? Это же смешно! Это... это если бы хомяк собрал адронный коллайдер из опилок и колеса для бега.

Лайан не улыбнулся. Напротив, его взгляд стал еще более тяжелым.

— В галактике, Алиса, самые опасные вещи часто прячутся под маской никчемности. Если ваш «хомяк» нашел способ использовать наши технологии, то он либо гений, прикидывающийся дураком, либо инструмент в руках кого-то гораздо более крупного. Я предлагаю сделку: ваш взгляд «дикаря» из необитаемой зоны не зашорен нашими правилами физики. Помогите мне найти связь между вашим миром и пропавшим генератором. Взамен я обещаю сделать всё, чтобы вернуть вас на Землю. Живой.

Долго думать не пришлось.

Я замолчала, разглядывая дно пустой чашки. Костик — инструмент в руках теневого правительства? Костик, который не может запомнить, в какую сторону откручивается гайка на смесителе? Мысль была настолько абсурдной, что мне захотелось рассмеяться прямо в лицо этому пафосному капитану. Но его «живой» в конце фразы прозвучало слишком весомо. В этом мире, где салфетки испаряются, а кресла обнимают тебя за плечи, моя жизнь имела цену ровно до того момента, пока я была полезна.

«Ну что, Петрова, — подумала я, — в Щёлково тебя ждет немытая гора посуды и Костик с его остеохондрозом. А здесь — заговор, погасшие звезды и мужик, от взгляда которого плавится даже термопаста на моих пальцах. Выбор очевиден, даже если шансы выжить стремятся к абсолютному нулю».

— Идет, — я протянула ему руку. — Но при одном условии. После того как мы спасем вашу галактику, вы устроите мне настоящую экскурсию. Хочу увидеть инопланетный закат, который не стыдно будет выложить в... в общем, просто увидеть.

Лайан на мгновение озадаченно посмотрел на мою ладонь, затем уверенно сжал её. Его рука была горячей и неожиданно большой. В месте касания кожу чувствительно укололо — словно статический разряд. Я дернулась от неожиданности, но он не отпустил.

«Ну конечно, — пронеслось в голове, — у них тут всё на электричестве, небось и капитан подзаряжается от розетки». Я списала это на наведенное поле от их приборов или остаточный заряд от моего прыжка. Хотя искра прошла как-то подозрительно глубоко — туда, где у нас, женщин, обычно зарождаются очень большие и очень интересные проблемы.

— Договорились, Алиса. Пойдемте. У нас есть кое-что, требующее вашего профессионального заключения.

Мы направились в техническую лабораторию. По пути я невольно замедлила шаг возле открытой распределительной панели. Таргонец-техник, не используя ни отвертки, ни паяльника, просто медленно проводил ладонью над мешаниной светящихся волокон. Поверхность затягивалась сама собой, металл словно срастался, повинаясь движению его пальцев.

«Вот бы такое в наш сервисный центр в Щёлково, — мелькнула шальная мысль. — Никаких жалоб на кривую сборку. Это бы заменило все лотерейные билеты, которые мы всучиваем клиентам в качестве компенсации за задержку ремонта» .

В лаборатории нас ждал сюрприз, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. На массивном постаменте, под безжалостным светом прожекторов, лежали искореженные останки моей кабинки. Рядом на верстаке были разложены детали, которые я знала наизусть: поплавившийся ТЭН, медная обмотка и тот самый шланг от пылесоса. Выглядело это так, будто на выставку хай-тек технологий по ошибке завезли мусор из гаражного кооператива.

Но среди этого хлама, в самом центре, лежал чужеродный объект. Черный кристалл размером с кулак, внутри которого переливалось алое пламя.

— Это мы извлекли из основания вашего аппарата, — произнес Лайан, не сводя глаз с камня. — Он был спрятан в отсеке для противовеса. Кристалл излучает энергию такой плотности, что наши датчики зашкаливают.

Я почувствовала, как по спине потек холодный пот. В голове эхом отозвался самоуверенный голос Костика из гаража: «Смотри, я даже кристалл-балансир внутрь засунул...» Тогда, в полумраке лаборатории «Заря», я мельком видела какую-то мутную стекляшку, примотанную синей изолентой к днищу барабана. Я еще фыркнула, решив, что Костик окончательно ударился в эзотерику и засунул в машину «заряженный камень» для удачи. Кто же знал, что этот невзрачный «балансир» выглядит так только в Щёлковских сумерках, а на самом деле он — пульсирующее сердце кошмара?

— Этот... «балансир», — прошептала я, подходя ближе. — Костик сказал, что засунул его туда, чтобы конструкцию не разнесло при отжиге. Он называл его запчастью. Клялся, что это просто довесок к кирпичам.

— Запчастью? — Лайан посмотрел на меня с нескрываемым ужасом. — Алиса, это Сердце Сверхновой. Последний раз такой артефакт видели до Великого Разлома. Использовать его как «балансир» в вашей стиральной машине... это всё равно что пытаться разжечь костер с помощью тактического ядерного заряда.

— Ну, Костик никогда не мелочился в инженерных решениях, — нервно хихикнула я, чувствуя, как ноги становятся ватными. — Просто обычно у него всё ограничивалось лишней гайкой, а не артефактом, способным аннигилировать Щёлково за секунду.

Я подошла еще ближе. В отражении граней кристалла я увидела свое лицо — испуганное, с растрепанным хвостом и той самой уже налившейся шишкой на лбу. И вдруг кристалл запульсировал. Резко, в такт моему сердцу.

«Ты... Наконец-то...» — шепот ворвался в сознание так внезапно, что я отшатнулась, едва не сбив Лайана с ног.

— Вы это слышали? — я вцепилась в локоть капитана. Его мышцы под формой были твердыми, как металл.

— Что именно? — он мгновенно подобрался, его рука легла на рукоять странного оружия у пояса.

— Голос... — я потеряла переносицу, пытаюсь поймать ускользающее ощущение. — Холодный, как лед, и при этом внутри жжет. Прямо здесь, за глазами. Как будто кто-то провел по моим мозгам замерзшим проводом под напряжением. И он как будто меня узнал!

Лайан нахмурился. Он бросил быстрый взгляд на ученых-таргонцев, те лишь отрицательно затрясли головами, сверяясь с мониторами.

— Приборы молчат, Алиса. Никаких акустических колебаний. Либо у вас галлюцинации из-за декомпрессии... либо этот артефакт вступил с вами в прямой нейронный контакт. А это значит, что вы — не просто случайный пассажир.

Я снова посмотрела на кристалл. Теперь он казался мне не просто деталью машины, а живым существом, запертым в клетке. И самое жуткое — я чувствовала, что эта «деталь» знает обо мне больше, чем я сама.

— Ладно, капитан, — я выдохнула, пытаюсь унять дрожь в коленях и стараюсь не думать о том, что всё это время сидела на чем-то, способном аннигилировать Щёлково за секунду. — Кажется, я в деле. Но предупреждаю сразу: я буду задавать тупые вопросы, лезть куда не просят и, скорее всего, окончательно сломаю вашу логику. У нас в Щёлково это называется «творческим подходом».

Лайан вдруг улыбнулся. На этот раз открыто, и эта улыбка чертовски ему шла.

— Ломайте, Алиса. Мне почему-то кажется, что именно этого хаоса нам и не хватало, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Наши взгляды встретились, и в воздухе снова поплыло то самое напряжение — колючее, щекочущее, заставляющее волосы на руках вставать дыбом. Только теперь я была уверена: генератор и статика от приборов тут совершенно ни при чем. Похоже, между нами возник какой-то свой, неучтенный законами физики резонанс.

Я смотрела в его серебристые глаза и понимала, что обратного пути нет. Если сначала я «попала» просто по ошибке Костика, то теперь я влипаю во всё это совершенно добровольно. На Земле это называют по-разному: авантюрой, судьбой или безумием. Но у нас в Щёлково про такую ситуацию говорят проще: «приехали, конечная». Или, если честно — я застряла здесь по самые подшипники, и, судя по всему, мне это начинает нравиться.

Глава 3. Дипломатия высокого напряжения

Следующие два дня я в темпе вальса осваивалась на «Авроре». Мне выделили отдельную каюту по соседству с капитанской — видимо, чтобы «ключ к разгадке» всегда был под рукой. Выдали и местную униформу. Правда, выяснилось, что таргонцы в плечах и росте куда мощнее средней женщины из Подмоскovie. В стандартном комбезе я смотрелась как карандаш в стакане — сиротливо и крайне нетехнологично.

Поэтому первые полчаса я занималась привычным делом: инженерным тюнингом. Пришлось вооружиться найденным в ремнаборе лазерным резаком и буквально «ушивать» высокотехнологичную ткань по фигуре. Материал сопротивлялся, искрил и пытался самовосстановиться, но против русской женщины с резаком и четким пониманием того, как должен сидеть костюм, у имперских технологий не было ни шанса.

— Ничего, — ворчала я под нос, укрощая непослушный воротник, — если я смогла перепрограммировать пылесос «Ракета», чтобы он перестал жрать шторы и начал просто сосать пыль, то с этой «умной» тряпкой я как-нибудь договорюсь.

Получив доступ к терминалу, я с упоением зарылась в базу данных. Оказалось, Галактическая Империя — тот еще серпентарий, населенный сотнями видов: от разумных облаков до мыслящих грибов. Но «погоду» в секторе делали трое. Кроме синих здоровяков-таргонцев, тут верховодили аквилонцы — надменные эльфоподобные существа, которые смотрели на всех как на дефектные модели. И были еще дроки — мелкие, юркие существа с глазами-бусинками; прирожденные торговцы, способные впарить вам воздух даже в открытом вакууме.

Генератор украли именно у аквилонцев, и те теперь извергали тонны дипломатического яда. Я честно пыталась помочь: пересмотрела отчеты безопасности и даже провела собственное «дознание».

Правда, с методами я немного переборщила. Перехватив в темном коридоре одного подозрительного техника, я по-нашему, по-простому прижала его к стене, требуя сознаться, не видел ли он поблизости какого-нибудь неприкаянного гения с безумным взглядом и повадками техноманьяка. Чтобы аргумент звучал убедительнее, я на автомате — чисто по-женски, как учили на курсах самообороны в Щёлково — заблокировала ему коленом нижний сектор.

Техник издал звук, очень похожий на свист закипающего чайника, и медленно сполз по стенке. В этот момент я сделала два важных открытия. Во-первых, у четырехруких гуманоидов болевые точки расположены ровно там же, где и у земных мужчин. А во-вторых — инженерная этика Таргона не подразумевает столь тесного физического контакта при обсуждении рабочих вопросов.

Но, несмотря на мой «интенсивный опрос», результат был нулевой. Таргонцы были само дружелюбие и абсолютный ноль информации. Никто не видел ни странных вспышек, ни подозрительных личностей с мотком синей изолянтной лентой наперевес.

Весь остаток второго дня я провела в попытках достучаться до «Сердца Сверхновой», но кристалл молчал. Я носила его с собой в защитном кофре, иногда украдкой прикладывала холодную грань к виску, надеясь снова услышать тот ледяной шепот, который так бесцеремонно вошел в мои мысли в лаборатории. Тишина. Только алое пламя внутри него пульсировало — мерно и равнодушно, будто насмехаясь над моими попытками разгадать его природу. К восьми вечера я окончательно озверела от цифр и графиков, которые не сходились. Именно в этот момент, когда я была готова швырнуть планшет в стену, мой терминал ожил.

«Обсудим стратегию», — гласило лаконичное сообщение от Лайана.

Я, как наивная дура, обрадовалась возможности переключиться на реальное планирование. Прихватила с собой планшет с инженерными выкладками по кристаллу, туго перетянула свой рабочий хвост и даже не подумала, что в «стратегию» может входить что-то, кроме звезд-

ных карт. Но когда двери каюты капитана бесшумно скользнули в пазы, я поняла: сценариев бывает много. И мой — «просто выжить, сохранив остатки здравого смысла» — явно не учитывал то, что я увидела внутри.

Каюта капитана была воплощением строгого мужского уюта, от которого у меня внутри всё предательски сжалось. Огромный иллюминатор, за которым медленно вращалось звездное полотно, превращал комнату в декорацию к очень дорогому фильму. И стол, накрытый на двоих. На нем стояли высокие прозрачные цилиндры, внутри которых дрожало мягкое алое пламя.

— Настоящие свечи? — я замерла на пороге, невольно потянувшись рукой к «огню». — В космосе, где каждый кубометр кислорода на счету и за открытое пламя должны расстреливать из бластера на месте?

— Ионные имитаторы, — Лайан улыбнулся, и в этой улыбке было столько спокойной уверенности, что мне захотелось немедленно поправить воображаемое вечернее платье, которого на мне и в помине не было. Вместо него на мне был комбез, облепивший фигуру так, что каждый мой вдох казался публичным заявлением. — Но аромат я выставил «кедровый лес». Читайте это... попыткой сгладить ваше резкое знакомство с нашей реальностью. Садитесь, Алиса.

Я опустилась в кресло, чувствуя себя максимально нелепо. Планшет с чертежами, который я сжимала в руках, теперь выглядел так же уместно, как гаечный ключ на званом ужине. Куда деть руки? На стол? На колени? Сложить в замок, как на собеседовании?

— Вы всем нелегальным иммигрантам устраиваете такой прием? — я постаралась вложить в голос максимум скепсиса, чтобы скрыть, как бешено колотится сердце. — Или это стандартный протокол допроса в особо комфортных условиях? Вино, свечи, звёзды... не хватает только скрипача с щупальцами и чистосердечного признания в конце.

— Только тем, кто падает из разлома с артефактом стоимостью в несколько планет, — Лайан разлил по бокалам густую розовую жидкость. — Расслабьтесь, Алиса. Здесь нет скрытых камер. Просто... иногда капитан мостика — это самая одинокая должность в галактике. Мне захотелось поговорить с кем-то, кто не смотрит на меня как на икону и не отдает честь каждые пять минут.

Вино (или что это было?) пахло карамелью и чем-то неуловимым, похожим на запах озона после грозы. Я сделала глоток. Напиток оказался коварным: он мягко потек по жилам, мгновенно расслабляя затекшие плечи.

— Расскажите о себе, капитан, — попросила я, решив, что лучшая защита — это нападение. — Вы ведь не похожи на таргонцев. И на тех аквилонских «эльфов» тоже не тянете. Слишком... человечный, что ли. Для того, кто командует этой машиной, в вас слишком много жизни.

Лайан на мгновение помрачнел, тень легла на его резкие скулы, и я кожей почувствовала, как потяжелел воздух в каюте.

— Я полукровка. Мать — аквилонка из высшей аристократии, отец — человек, инженер-колонист. Мой вид в Империи считается вымирающим анахронизмом. Но я выжил. В основном за счет того, что унаследовал от матери кое-какие... дефекты.

— Дефекты? — я приподняла бровь, стараясь удержать маску ироничного скепсиса, хотя внутри всё вибрировало, как барабан стиралки на отжиме. — У нас в Щёлково дефектом считается кривая резьба или течь в прокладке. А вы выглядите вполне... исправным.

— Эмпатия. Я чувствую эмоциональный фон, — Лайан вертел в пальцах бокал, и я невольно засмотрелась на его длинные, сильные пальцы. — Иногда — обрывки мыслей, если они окрашены действительно сильным чувством. В моей работе это помогает отличить правду от хорошо подготовленного рапорта. Но порой это становится проклятием: в толпе я задыхаюсь от чужой боли или ярости.

Я невольно выпрямилась и прикрыла бокалом грудь, хотя тут же поняла, насколько это глупый жест. Стало вдруг чертовски жарко. Если бы он сказал, что видит сквозь одежду, это было бы просто вторжением в частную жизнь. Но Лайан видел мои чувства, а это было куда интимнее. Я ощутила себя абсолютно голой — так, словно он содрал с меня не комбез, а саму кожу, оставив беззащитной перед этим спокойным серебристым взглядом. Против такого «сканера» у меня не было никакой изоляции.

— И что вы сейчас чувствуете... во мне? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Кроме того, что я инженер третьего разряда с легким ПТСР от гаражных экспериментов?

Он поставил бокал и подался вперед. Расстояние между нами сократилось до того предела, когда начинаешь чувствовать чужое тепло. Лайан посмотрел мне прямо в душу своими серебристыми глазами, и мне показалось, что их стальной блеск смягчился, становясь почти ртутным.

— Смесь жгучего любопытства, легкий страх, который вы так отчаянно и талантливо маскируете сарказмом... и симпатию. — Его голос стал тише, приобретая ту самую бархатистую глубину, от которой мурашки начинают бегать по спине стройными рядами. — Причем симпатию встречную. Вам здесь нравится гораздо больше, чем вы готовы признать даже себе, Алиса. Ваш пульс сейчас участился — я слышу его даже без приборов. В вашей голове хаос, который вы пытаетесь упорядочить с помощью технических терминов. И, поверьте, этот резонанс мне очень приятен.

Я почувствовала, как щеки обдаёт густым жаром. Черт! Быть прозрачной для этого мужчины было невыносимо, унижительно и... возбуждающе до дрожи в коленях. Это было похоже на короткое замыкание: когда предохранители уже выбило, а ток всё равно продолжает течь по цепи, раскаляя провода добела.

— Ладно, один-ноль в вашу пользу, господин экстрасенс, — я отвела взгляд, сделав вид, что безумно заинтересована пузырьками в бокале. — Тут круто. Космос, технологии... Но я всё равно хочу домой. У меня там мама, не сданный годовой отчет и недосмотренный сериал. Моя жизнь в Щёлково была предсказуемой, и мне это... почти нравилось.

Лайан промолчал, и на мгновение мне показалось, что в его серебристых глазах отразилась не то зависть, не то глубокая усталость. Он медленно отстранился, разрывая ту невидимую нить, что натянулась между нами.

— Понимаю, — тихо произнес он, и его голос снова стал ровным, почти официальным. — И я подтверждаю свое слово: мы вернем вас. Я лично прослежу, чтобы вы досмотрели свой сериал.

Он резко выдохнул, словно стряхивая наваждение, и коснулся сенсорной панели на краю стола. Вечерний свет каюты тут же сменился холодным синеватым сиянием терминала.

— Но лирика подождет. Теперь к делу, — Лайан вывел в центр стола объемную проекцию. — Вот что нам удалось выяснить за последние часы. Мои разведчики запеленговали астероидную базу в секторе Веритас. Среди обломков камней, парящих в пустоте, мигала зловещая красная точка.

— Все следы похищенного генератора ведут туда. Там логово «Свободных планет» — повстанцев, которые считают, что Империя застоялась. Если генератор у них, они не просто украдут технологию — они сотрут столицу с лица галактики. Мы летим туда завтра. Под прикрытием. Только я, вы и пара моих лучших людей.

— Я?! — я чуть не поперхнулась напитком. — Капитан, вы обещали мне безопасность! Я инженер по бытовой технике, а не универсальный солдат. Мой максимум в ближнем бою — это запустить в противника тяжелым утюгом.

— Мне не нужен боец, Алиса, — он серьезно посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула тень досады на собственное бессилие перед технологией. — Бойцов у меня сотни. Но у нас проблема.

Он сделал паузу, приблизив голограмму сектора Веритас так, что красная точка стала похожа на пульсирующую рану.

— На астероидной базе мощные помехи. Мои сенсоры там ослепнут, но кристалл... Мы предполагаем, что он резонирует, когда мы окажемся в радиусе действия генератора. Поймите, Алиса, почувствовать этот отклик, расшифровать «шепот» кристалла и понять, в какую сторону крутить ручку, чтобы всё не взлетело на воздух, сможете только вы. Вы — наш единственный живой детектор. Без вас мы будем просто бродить в темноте, пока нас не обнаружат.

Я посмотрела на карту, потом на него. Страх липким холодком прошелся по позвоночнику, но азарт — тот самый, что заставлял меня в детстве разбирать папин магнитофон до последнего винтика, — оказался сильнее. Стать «живым детектором» в компании этого мужчины было пугающе, но чертовски заманчиво. В конце концов, в Щёлково мне никогда не доверяли спасение галактики — максимум ремонт стиралки с вертикальной загрузкой.

— Хорошо, — я решительно поставила бокал на стол. — Но давайте уточним условия контракта. Если на нас нападут четырехрукие фанатики, вы меня прикрываете. Своей широкой капитанской спиной. Это ваш долг как принимающей стороны.

— Обещаю. Всеми силами, — тихо сказал он. Его голос вибрировал от какой-то новой, незнакомой мне ноты.

Лайан поднялся и медленно подошел ко мне. На таком расстоянии его эмпатия, должно быть, зашкаливала — он явно читал мой испуг, смешанный с диким, почти животным влечением. Он осторожно взял мою ладонь. На этот раз я не дернулась. Я позволила его длинным пальцам окутать мои, чувствуя, как его тепло проникает под кожу.

— Алиса, — его голос стал совсем низким, почти шепотом. — Я должен быть честен. Это опасная вылазка. И хотя я сделаю всё, чтобы вы были в безопасности... в таких операциях случается непредвиденное. Если вдруг ситуация выйдет из-под контроля...

— Так, стоп! — я перебила его, чувствуя, как сердце пустилось вскачь, ударяя в ребра. — Даже не вздумайте каркать про «не вернемся»! Вы обещали мне билет домой в один конец. Так что мы вернемся. С генератором, с победой и со всеми конечностями на месте. А потом вы покажете мне свой любимый закат...или как вас там называется. И это не обсуждается. Понятно?

Лайан вдруг усмехнулся — той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё окончательно расплавилось. Он не отпустил мою руку, напротив — потянул на себя, заставляя подняться с кресла.

— Понял, — шепнул он, оказываясь совсем рядом.

Его рука скользнула по моей талии, притягивая ближе. Тонкая ткань комбинезона не давала никакой защиты — я чувствовала твердость его мышц и жар его тела. Лайан наклонился, и я замерла, забыв, как дышать. Его дыхание — свежее, с легким ароматом того самого розового вина — коснулось моих губ.

Сначала это был лишь намек на поцелуй, легкое, почти невесомое исследование. Но через секунду всё изменилось. Лайан собственнически накрыл мои губы своими, и по моим нервам прошел ток такой силы, что никакая синяя изолента бы не спасла. Это был поцелуй мужчины, который привык брать то, что хочет, но в нем была и странная, почти болезненная нежность.

Я непроизвольно охнула, когда его язык коснулся моего, и мои руки сами собой взлетели к его плечам, вцепляясь в плотную ткань формы. В голове вспыхнули сверхновые. Всё тело превратилось в один оголенный провод. Я чувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжались на моей пояснице, прижимая меня к себе так плотно, что я ощутила каждый жесткий шов и рельефную эмблему на его груди. Его мундир, созданный для парадов и битв, сейчас казался единственной преградой, мешающей мне почувствовать, как бешено колотится его сердце. Это не было похоже на скучные поцелуи с Костиком — это была стихия, черная дыра, которая всасывала меня без остатка.

Когда он наконец отстранился — всего на пару сантиметров, — я почувствовала себя так, будто из-под меня выбили опоры, а гравитацию на корабле забыли включить. Мои губы горели, а сердце колотилось где-то в районе горла, мешая вытолкнуть хоть одно членораздельное слово.

— Это для храбрости, — хрипло шепнул он, не выпуская меня из объятий. Его серебристые глаза сейчас не просто светились — в них бушевал настоящий шторм.

— Храбрости у меня теперь на три галактики хватит... и еще на одну маленькую черную дыру останется, — выдохнула я, судорожно пытаюсь восстановить дыхание и поправить комбинезон, который внезапно стал казаться слишком тесным во всех стратегически важных местах. — Пошли уже собирать манатки, капитан. Повстанцы сами себя не поймают, а я очень хочу увидеть тот самый закат. И желательно — в комплекте с тобой и обещанным билетом домой.

Мы вылетели на рассвете корабельного времени. Маленький, юркий разведчик-невидимка, похожий на хищную рыбу, нырнул в гиперпространство. Глядя на растягивающиеся в бесконечные линии звезды, я думала: «Ну, Костик, удружил так удружил. Если выживу — убью. А если не выживу... черт, с таким капитаном даже погибать как-то не так обидно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.